

Темный кабинет. Мягкий голос говорит:

- ...Ты же знаешь. Я – добрый волшебник страны Оз и исполняю желания моих маленьких синтетов. Тем более, таких отличных сотрудников как ты.

- Этого ты не сможешь, – мрачно отвечает Литлпип Вислер. – Никто не сможет.

- Попробуем?

- Верни к жизни Синтию Флорес.

Шеф не сразу отвечает. Видимо, перебирает в памяти возможные варианты, но правильного ответа нет и быть не может.

Поэтому всемогущий мистер М спрашивает:

- Кто она была?

- Никто. Больная сирота из Серого города. Так и не дождавшаяся лечения нанитами, и умершая от рака.

- Если она была никем, то почему ты о ней просишь?

- Я дала обещание.

- Ах, обещание! – в голосе шефа появляются знакомые насмешливые нотки. – Еще одна уловка из мира людей, которые загоняют сильных людей и синтетов в капкан. Обещания работают даже лучше чем клятвы, ведь они якобы ни к чему не обязывают, но при этом будут грызть тебя изнутри, требуя их скорейшего исполнения. Давая обещания, сильный имеет все шансы стать слабым.

- Я и не надеялась, что ты поймешь, шеф, – грустно говорит Литлпип, выходя.

* * *

В клубе «Пони-Плей» освободили комнату, которую больше некому было занимать. По

крайней мере, пока.

Весть о гибели чемпионки арены стала всеобщей трагедией, но, как и любое событие касательно Арены – ненадолго. Новый фаворит, Бейн Блейд Престон, уже дважды подтвердил чемпионский титул. Хотя еще поговаривали на трибунах, что фестрал ни разу не побеждал Дэш Вендар, и так бы и остался на втором месте, не случись с радужной пегаской «несчастный случай». И что начал встречаться с другой Рейнбоу Дэш тоже по этой причине.

Литлпип Вислер еле сдерживала слезы, наблюдая за тем как несколько единорожек из прислуги и пара людей-носильщиков освобождают помещение от всего, что составляло жизнь Рейнбоу Дэш Вендар. Вещи отправились в большую картонную коробку, которой вскоре предстояло оказаться в мусорном баке: ни друзей, ни псевдосемьи у Рейнбоу не было.

Окутавшись зеленоватым сиянием, из коробки вылетела разбитая фотография, на которой юная Дэш Вендар восторженно прыгает рядом с хозяином, сжимая в копытах свой первый кубок юниорского чемпионата. Тогда в рубиновых глазах не было ни злобы, ни безумия, но уже был тот огонь, что смог растопить навсегда, казалось, заледеневшее сердце серой единорожки.

К сожалению, Литлпип опоздала с выражением своих чувств, за что поплатилась очередным шрамом на сердце и подбитым глазом.

Не говоря ни слова, она вышла на улицу.

Погрузившись в собственные мысли, едва не налетела на одного из телохранителей мистера М, «Серьезного» Сэма.

Амбал глуповато улыбнулся и сказал:

– Не, я понимаю, что ты извращенка и все такое, но на кой хрен тебе фотография той, кто тебя поколотила? Любишь поглубже?

Литлпип наклеила на мордочку кривую усмешку и ответила вопросом:

– А ты, я вижу, не теряешь надежды залезть ко мне под комбинезон, а Сэм?

Телохранитель не ответил, продолжая улыбаться. Литлпип знала, что он и его брат в подростковом возрасте изменили свои тела, чтобы быть похожими на героев серий игр неустаревающей классики.

– Слушай, даже если ты отчекрыжишь себе хобот и прикрепишь к груди коровьи дойки, ты все равно будешь не в моем вкусе.

- Это потому что я не одет во все черное и обтягивающее, как Дэш Вендар?

Литлпип еле сдержалась, чтобы не заехать Сэму по лицу чем-нибудь тяжелым.

- Да нет, - ответила она, стараясь придать голосу прежние насмешливо-безразличные интонации, - просто меня интересуют те, кто использует голову не только для того чтобы в нее есть, как ты с братом. Бывай, любовничек.

Сэм не мог этого знать, но Литлпип была на грани истерики и только ее маска циничной и пошлой пони не давала слезам показаться на глаза.

«Все, кого я знала и кого могла бы спасти, умирают, - думала Литлпип, рыся по улице. - И за что мне все это?»

Отойдя от клуба достаточно далеко, Литлпип позволила слезам показаться наружу. Она сильней прижала к груди фотографию с Рейнбоу Дэш Вендар и тихо прошептала:

- Когда-нибудь мы встретимся вновь, и я тебя больше не отпущу...

Темные громады прохожих спешили мимо. Никому из людей не было дело до одинокой пони с разбитым сердцем, льющей слезы в наступающих сумерках. Литлпип плакала, не стесняясь. Она уже привыкла не замечать равнодушную толпу существ, что жили в исполинских городах-муравейниках, где каждый из толпы был еще более одинок, чем если бы жил посреди пустыни...

Литлпип шла по улице, упиваясь собственным горем. Ей уже было наплевать, встретит ли она на улице толпу линчевателей, которые после речи Элен Флаис стали расти как грибы. Ей было все равно...

* * *

...«Серьезный» Сэм Доджер вернулся на пост, где сразу был встречен вопросом второго телохранителя мистера М, Дюка Ньюкема:

- А чего ты не пошел с Литлпип?

- На кой ляд? - огрызнулся Сэм, хотя ему самому было не по себе, что единорожка ушла куда-

то одна в сумерки.

Дюк пояснил:

- Ты к этой занозе неровно дышишь, и позволил пойти одной по Серому городу наедине со своими чувствами? Тут и раньше то не было особенно безопасно, а что уж говорить о здесь и сейчас, где на каждом шагу либо борцы за права синтетов, либо фанатики, что этих синтетов распинают на фонарных столбах?

- И с чего ты взял, что я сохну по этой рогатой пигалице? – спросил Сэм, изо всех сил делая безразличный вид.

Но Дюка было не обмануть:

- Я же вижу, как ты на нее смотришь. Чуть ли слюни не пускаешь.

- Да она и не смотрит в мою сторону лишний раз.

- Дурак. Если с ней что-то случится, то она на тебя вообще больше не посмотрит. Ты же понимаешь, против бластеров никакой ее боевой опыт в Черном Гигаполисе не поможет... Если она там вообще была, в чем я сильно сомневаюсь.

Сэм посмотрел прямо на собеседника и неуверенно изобразил гнев:

- Хочешь сказать, что я запал на пони?! Я, Серьезный Сэм?

Дюк снял очки, открыв миру ироничный взгляд серых глаз.

- Только слепой еще этого не видит, братишка. И уж кто-кто, а я-то знаю, что ты на самом деле Сэм Доджер, мой тупорылый младший брат.

- Ты не лучше, Дэн, – Сэм тоже нарочно ввернул истинное имя брата, – и тоже сделал себе облик героя из игры.

- И не жалею. Как и ты. Но Литлпип сейчас нуждается в тебе. Хоть в ком-нибудь, перед кем она сможет, наконец, побыть собой, а не обычной занозой в заднице... Короче, вали к ней, идиот!

Сэм еще пару секунд таращился на Дюка, после чего запахнулся в плащ и вышел в дождь...

* * *

...Найти одну маленькую пони в большом городе – задача не из легких. Но Сэм просто навел пеленг на коммуникатор Литлпип и вскоре оказался на каком-то авеню. Сквозь дождь размеренно шел поток колесных машин. Плащ, накинутый поверх костюма, берег от воды с небес и летящих из-под колес брызг, но испачкать костюм Сэм не боялся: дома всегда был запасной.

Пеленгатор показал нулевую отметку, и брошенный в витрину какого-то бара взгляд выхватил знакомые понячьи очертания.

Сэм остановился. Он никак не ожидал встретить Литлпип Вислер здесь, в какой-то забегаловке Серого города. Какой был смысл, если в баре «Пони-Плея» серая единорожка имела неограниченный кредит?

Первой мыслью Сэма даже стало то, что это другая Литлпип. Но сигнал пеленгатора практически исключал такую возможность. Кроме того, легкая припухлость от синяка под глазом, памяти о Рейнбоу Дэш Вендар, вообще не оставляла сомнений.

...Бармен Джордж одного из заведений сети «Лепрекон» еще не видел, чтобы в маленькую лошадку от «Хасбро» влезало столько алкоголя.

Серая единорожка, завалившись к стойке под вечер, начала целенаправленно накачиваться спиртным и сейчас, видимо, достигла состояния, к которому стремилась.

«Пьет как лошадь», – невесело подумал Джордж и поднял взгляд навстречу новому посетителю.

Здоровенный парень в плаще, под которым угадывался явно дорогой костюм, молча подошел к стойке и уселся рядом с пони...

...Литлпип подняла мутный взгляд на Серьезного Сэма, который сейчас и впрямь выглядел серьезнее некуда. Перевела взгляд на пустую кружку, в которой еще плескались остатки коктейля под трудно выговариваемым (особенно по пьяни) названием «yorsh».

– Д-допилась, – промямлила пони и опрокинула в глотку остатки обжигающей и горчащей дряни. – Ид-диоты мр... мерещатся... И что т-только... Вендар... в-в... этом нах-ходила?

Серьезный Сэм тем временем знаком заказал еще две кружки, молча выпил сперва одну, а затем вторую, которую вяло попыталась отобрать телекинезом Литлпип.

Впрочем, ей было уже все равно, достанется ли выпивка сейчас кому-то еще.

Она уже достигла той легкости сознания, которая только и бывает у пьяных в стельку существ.

- Рассказывай, - вдруг проговорил Серьезный Сэм, и Литлпип почувствовала, как на плечо ей легла широченная ладонь.

- Пшел ты... к Молестии в круп, - буркнула пони и сделала безуспешную попытку вырваться. Безо всякой уверенности, что устоит на ногах.

Взгляд Сэма вдруг упал на фотографию в разбитой рамке. Ту самую, что Литлпип утащила из помойки. Голубую пегаску, восторженно прыгающую с кубком, невозможно было не узнать. Рейнбоу Дэш Вендар.

«Ох ты ж, мать», - подумал человек, в голове которого разом встала на место вся мозаика.

- Не держи в себе, - сказал он вслух банальность, но ничего получше придумать не смог, - Расскажи идиоту Сэму, чего это вдруг заноза Литлпип решила нажраться втихаря, пялясь на портрет той, от кого она получила копытом в глаз...

Взгляд огромных изумрудно-зеленых глаз серой единорожки поднялся навстречу человеку. Зареванная мордочка с опущенными вниз ушами так не вязалась с образом вечно циничной, смешливой секретарши шефа. Сэм вдруг подумал, что все, что он видел раньше, было лишь маской, надеваемой единорожкой.

Когда же хлынули слова, он понял, что был прав...

* * *

...Литлпип проснулась.

Она поняла это по накатившей головной боли и всепоглощающей жажде. А еще вернувшиеся ощущения сообщили, что лежит она в кровати, укрытая одеялом, а еще чьей-то тяжелой рукой.

РУКОЙ.

«Вот сено!» - только и смогла подумать единорожка, распахнув глаза.

Судя по всему, она находилась у себя дома. В спальне, в постели, и после ночи пьянства это было бы очень хорошо, если бы не ощущение большого, теплого тела сзади. Человеческого.

«О Селестия, – подумала Литлпип. – Я ни о чем тебя никогда не просила... Но пусть это будет просто шлюха с улицы... пожалуйста!»

Пони привстала и, набравшись смелости, обернулась.

В короткой понячьей кровати, свесив ноги на пол, лежал Серьезный Сэм и нагло дрых, положив руку на спину Литлпип. Единорожка вдруг осознала, что одежда, разбросанная по полу, принадлежит им двоим.

Мысли падали подобно кирпичам:

«Голые. В одной постели. После пьянки. У меня. Бля... нет, не так. БЛЯ! Второй раз за свою жизнь, я просыпаюсь в объятиях человека! И первый раз – в голом виде. Т-так, спокойно! Вдох-выдох...»

Судя по ощущениям тела, ночью что-то произошло. По обрывочным воспоминаниям – тоже.

Тем временем, Серьезный Сэм открыл глаза и встретился взглядом с Литлпип.

– Доброе утро, – сказал он. – Только не дерись.

Поморщившись от накатившей по новой мигрени, единорожка усмехнулась. В воздух взлетел, окутанный зеленоватым светом кинетического поля, табурет.

– Неплохая идея, – прошипела она. – У тебя есть десять секунд, чтобы придумать объяснение, Сэм! Чертовски хорошее объяснение, мать твою!

Тот остался спокойным и начал рассказывать:

– Вчера ты напилась. Я тебя нашел в баре и подсел. Мы выпили, хотя тебе уже было более чем достаточно, и ты рассказала мне о своих чувствах... что?

Табурет с грохотом упал на пол, а Литлпип сползла с кровати прямо на пол и обхватила голову копытами.

– Продолжай, – отмахнулась она. – Просто продолжай, не обращай внимания.

– Хорошо. Мы изливали друг другу душу чуть ли не до утра, а потом ты вырубилась. Я понес

тебя домой...

- Понес меня?... О, Селестия... За что...

- Кхм... Ну, да. Отнес домой, уложил на диван и уже собрался уходить, но ты очнулась и попросила меня посидеть рядом.

- Посидеть, ага. А ты полежал?

На лице Сэма расплылась улыбка.

- Как же тут было не полежать, когда ты, схватив мою руку, начала нести всякую романтическую фигню, которую всегда презирала, потом стала жаловаться на свою поведенческую программу, которая тебя заставляет... как ты там сказала, «быть гребаной шаловливкой»? И наконец, вслух послав по матери «Хасбро», ты попросила тебя поцеловать...

- Я попросила? Тебя?! Эх я набралась-то...

- Вот и я то же самое подумал. Но ты сделала такую морду, что отказать тебе было уже выше моих сил... Ну а потом... ты точно хочешь знать, чего ты захотела потом, мисс «я из другой команды»?

Единорожка обвела взглядом разбросанную по комнате одежду и обреченно проговорила:

- Не надо... Я догадалась, что ты не упustiшь свой шанс, мудила.

- Я вообще хотел уйти, - сказал Сэм, - и даже не думал, что подобное взбредет в твою рогатую башку. А потом стало поздно, когда ты уже висела на мне, телекинезом стягивая одежду с себя и с меня.

Литлпип не ответила. Только подтянула к себе телекинезом комбинезон и начала влезать в него. Винить было некого, разве что алкоголь. Единорожка слишком хорошо знала телохранителей Мауса, чтобы подумать, будто кто-то из них просто воспользуется ситуацией. Оба, хотя и выглядели как здоровые мужики, в душе оставались еще почти подростками, у которых даже несмотря на службу у Мауса, не выветрилось из головы ни юношеская романтика, ни гормональная буря.

- Сэм, - сдерживая эмоции, проговорила единорожка сквозь зубы, - скажи, вот что человек в нас, пони, привлекает, а? Мы ведь, по сути, генетически измененные фалабеллы, я читала исходную документацию БРТО. Да, нам малость перестроили феромоны и форму задницы, но как этого, раздолби Селестия рогом, может быть достаточно? Пучеглазые, большеголовые лошадки в метр ростом? Это привлекательно с точки зрения человека?

- Ну ты же умная, Литлпип, - отозвался Сэм, тоже вставая с постели и натягивая обтягивающие трусы, висевшие до того на торшере, - подумай сама. Влюбляются не во внешность, а в характер. Кому нужна внешность - тот найдет, в наше время это просто. А вот такую заводную занозу как ты еще поискать.

- Я вот не знаю, врезать тебе или поцеловать за такое, а?

Серьезный Сэм пожал плечами:

- Можешь совместить приятное с еще более приятным.

Литлпип промолчала. Здесь, сейчас, в ее душе боролись два чувства. Первое - желание вновь забиться в скорлупу цинизма и шипов острословия. Второе - впустить внутрь этой скорлупы кого-то еще. Того, с кем ее до недавнего времени связывала лишь служба у мистера М.

Так она считала.

- Сэм, - сказала, наконец, пони. - Ты в курсе, что ты мудака?

- Конечно, - не обиделся тот, тоже начиная одеваться, - Ты не забываешь мне об этом напоминать каждый день. Пивка?

Литлпип еле успела поймать телекинезом брошенную банку, которую Сэм достал из стоявшего под кроватью ящика.

Мысль о прохладном, горчащем напитке, прогоняющем похмелье, заставила единорожку улыбнуться.

- Подумать только, - сказала она, откупоривая банку и делая глоток. - Я по пьяной лавочке с тобой переспала. С тобой! С человеком, с самцом!..

Сэм, тоже приложившись к пиву, ответил:

- А может, все-таки хотя бы с другом?

Литлпип, память которой еще немного прояснилась после холодного напитка, сказала:

- Думаю, что после всего произошедшего мне придется это признать. Или убить тебя. Я еще подумаю.

Если бы она не улыбалась, Сэм стал бы серьезно опасаться угрозы. Но Литлпип Вислер

улыбалась. Доброй, располагающей улыбкой эквестрийской пони.

* * *

Литлпип и Сэм вместе вышли из дома, в недрах которого приютилась квартира секретаря мистера М. Впрочем, «приютилась» – было бы не совсем верно. Квартира в мансарде, где не было бы тесно и семье из трех человек, весьма дорогая и обустроенная для Серого города.

Далеко не каждый человек мог себе позволить условия, в которых жила серая единорожка-синтет.

– Сэм, – позвала единорожка, и амбал, вынырнув из мыслей, вопросительно уставился на нее, – ты если думаешь, что после этого мы заживем долго и счастливо, то ты эту мысль сразу засунь себе поглубже в задницу. Окей?

– Без проблем, – сказал Сэм. – А что тогда?

– Друзья. Может, любовники – я не прочь повторить на трезвую голову, чтобы, Дискорд побери, помнить что-то получше смутных образов и стонов...

– Ага, – кивнул Сэм. – Никогда бы не подумал, что ты такая... громкая.

– Заткнись и шагай. Мы и так опоздали.

Сэм улыбнулся. Он помнил все, и, хотя в груди поднималось какое-то чувство внутреннего протеста, ничто не заставило бы пожалеть о том, что произошло.

– Ну что ты лыбишься? – не выдержала Литлпип. – Напоил, затащил, надругался над беззащитной кобылкой...

– Я бы назвал это «уступил пьяным приставаниям серой нимфоманки», – парировал Сэм, – но если хочешь видеть себя жертвой – на здоровье.

– Ах ты!..

Шутливо переругиваясь, человек и пони шли к флаеру, рядом с которым стоял Дюк Ньюкем, демонстративно поглядывая на часы.

Литлпип мимоходом подумала, что сегодня не чувствует ноющей пустоты в душе.

Искоса глянув на шагающего рядом и глупо улыбающегося Сэма, Литлпип подумала:

«Наверное, скажу ему спасибо... потом».

Сэм вдруг ударил себя по лбу и достал из внутреннего кармана разбитую рамку с фотографией Рейнбоу Дэш Вендар.

- Прости, забыл тебе отдать, - сказал он. - Ты чуть не оставила ее в баре.

- Дай сюда, - буркнула она, стараясь, чтобы голос не дрогнул

Фотография окуталась сиянием кинетического поля и отправилась в седельную сумку Литлпип.

«Надо будет стекло заменить», - подумала единорожка.

Она почувствовала волну глубокой привязанности к простоватому амбалу, который, даже затащив ее в постель, не забыл такую важную мелочь.

- Знаешь, Сэм, в чем вы с братом ошиблись? - спросила она, пряча фотографию в сумку.

- В том, что связались с такой острой на язычок кобылкой?

- И это тоже. Вы ошиблись, когда решили модифицировать свои тела. Хотели подражать крутым героям прошлого, а всего-то и надо было перестроить свои тела под эквестрийских пони.

Сэм почесал в затылке:

- А такое вообще возможно?

Литлпип захихикала:

- Ох, Сэм ты не меняешься. Я тебе предложила безумную идею, и ты за нее уже ухватился. Небось, обдумывал, как сказать это брату, да?

Сэм посмотрел на Литлпип с надеждой, но та покачала головой:

- О нет-нет-нет, Сэм. Даже если ты решишься на эту глупую авантюру и даже если ты попросишь, чтобы из тебя сделали кобылку, а не жеребца, даже не надейся, слышишь?!

- А если бы я на это пошел?

Литлпип удивленно уставилась на Сэма:

- Ты серьезно? Но... неужели просто ради того чтобы затащить меня в койку? У тебя ведь это и в виде человека получилось!

Сэм ответил не сразу:

- Просто я хочу чтобы ты знала: я готов меняться ради тебя.

Литлпип, улыбнувшись, сказала:

- Ловлю на слове. Но не так, как ты думаешь...

- погоди-ка минутку, - вдруг сказал Сэм и быстрым шагом пошел к ряду магазинчиков, что скромно расположились на первом этаже большого дома.

Единорожка проводила телохранителя взглядом и удивленно переглянулась с Дюком Ньюкемом, что только пожал плечами.

Когда же Сэм вернулся, в руках он держал букет из алых роз, завернутых в блестящую упаковку.

- Я это... вот, - промямлил он, протягивая цветы, - Это, типа, тебе.

Дюк Ньюкем у флаера прикрыл лицо ладонью, а Литлпип перехватила букет кинетическим полем и сказала:

- Сэм, это было наитупейшее признание в любви, которое я когда-либо получала. Но спасибо.

Не убирая ехидной улыбки, пони зарылась в букет мордочкой и... с аппетитом откусила первый цветок. Пережевывая красные лепестки, она не удержалась и прыснула с набитым ртом, видя ошарашенное выражение лица Серьезного Сэма.

Рядом раздался щелчок, сопровождающий фотосъемку.

Оба обернулись на Дюка Ньюкема, который опустил коммуникатор и с широченной улыбкой сказал:

- Морда Сэма - это бесценно. Сохраним для истории.

Литлпип, проглотив первый из цветков, рассмеялась.

Только сейчас это был не злой смех, полный цинизма, а искренний и добрый, звучащий как будто совсем по-иному.

И к которому вскоре присоединились еще два басовитых голоса...

* * *

...Об этом офисе знают многие синтеты. Сейчас, посреди ночи, там пусто, хотя хозяин часто остается здесь на ночь. Темнота скрывает чудовищ и мрачные тайны, и горе тому, кто проникнет сюда иначе как по приглашению всемогущего мистера М.

Свет ночного Гигаполиса врывается в окно, и падает на стоящие на столе приемной фотографии в рамках.

На одной изображена небесно-голубая пегаска с радужной гривой, восторженно прыгающая с кубком юниоров в копытах. Рядом с ней стоит хозяин, но часть изображения когда-то была повреждена, и его черт лица различить не удастся. На другой - улыбающаяся чернокожая девочка-человек, изможденная неизлечимой болезнью. А на третьей - жующая букет роз Литлпип и Серьезный Сэм с глупой-преглупой удивленной физиономией...

Все в компании знают: серой единорожке, что работает секретарем мистера М, очень дороги те, кто изображен здесь, а также память о них. И даже шеф с уважением относится к этому...

<http://tl.rulate.ru/book/82036/2552633>